

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Голованивская М.К., Ефименко Н.А. Представление о лжи в русском, французском и китайском языках // Филология: научные исследования. 2024. № 9. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.9.71650 EDN: COGSJB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71650

Представление о лжи в русском, французском и китайском языках

Голованивская Мария Константиновна

доктор филологических наук

Профессор, Кафедра региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ golovanivskaya@gmail.com

Ефименко Николай Александрович

ORCID: 0000-0002-4003-5887

Студент, Кафедра Региональных исследований, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 13

✉ efimenko200205@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.9.71650

EDN:

COGSJB

Дата направления статьи в редакцию:

06-09-2024

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является анализ понятия «ложь» в русском, французском и китайском языках. Внимание уделяется лексическим и этимологическим особенностям слова «ложь» и его связи с другими понятиями, такими как «правда» и «обман». Ложь рассматривается как намеренное искажение действительности, что имеет глубокие корни в человеческом познании и мифологических представлениях. В статье обсуждаются антонимические пары «правда-

ложь», «истина-ложь», отражающие противопоставление, характерное для человеческого восприятия мира. Особое внимание уделяется образам и символам, связанным с ложью, такими как болото, грязь и вода, которые усиливают негативную коннотацию этого понятия. Лексическое окружение слова «ложь», его сочетаемость с различными прилагательными и глаголами, а также различие между ложью и неправдой также становятся объектом анализа. В статье делается попытка раскрыть, как культурные аспекты влияют на восприятие лжи в русском языке и сознании. Методология исследования основана на лингвистическом анализе лексики, этимологии и сочетаемости слова «ложь» в русском, французском и китайском языках, а также на интерпретации культурных и мифологических образов, связанных с этим понятием. Научная новизна исследования заключается в глубоком анализе понятия «ложь» в русском, французском и китайском языках, выявляя их мифологические и культурные корни. В статье исследуется, как древние символы и метафоры, такие как солнце, вода, нити и ткань, формируют современные представления о правде и лжи, демонстрируя их универсальные аспекты в индоевропейских и азиатских культурах. Исследование также подчеркивает и гендерные аспекты, связывая речевое с женским началом и выявляя дуалистическое противопоставление, заложенное в мифологических системах. Выявленные выводы показывают, что понятия, связанные с правдой и ложью, продолжают жить и в современном сознании, сохраняя древние мифологические элементы и адаптируясь к современным культурным и языковым контекстам.

Ключевые слова:

языковая картина мира, контрастивное исследование, этика, лингвокультурология, семантический анализ, национальный менталитет, вещественная коннотация, русский язык, китайский язык, французский язык

Представление о лжи в русском языке

Традиционно в русской лексикографии ложь понимается как намеренное искажение действительности, как сказанная или написанная неправда, как реализация намерения ввести в заблуждение (Словарь русского литературного языка). Таким образом, ложь мыслится синонимично обману, сказанной неправде. У слова *правда* есть антонимы *обман*, *ложь*, и у истины есть антоним *ложь*. Описываемые антонимические пары восходят к древнейшим близнецовым мифам и в полной мере отражают особенности человеческого познания через противопоставление.

Истина в современной трактовке – божественный атрибут, судебный вердикт; ложь, намеренное введение в заблуждение – атрибут дьявола. Лгать может не только человек, но и весь бренный мир ("Мысль изреченная есть ложь"). Отпавшие от Бога живут во лжи, говорят нам христиане, однако не только во лжи словесной, но и во лжи вселенской.

В эпистемологическом плане ложное связано с заблуждением, которое, возвращаясь к религиозной точке зрения, – от дьявола, от извечной несовершенности человека, коренящейся в его природе, а отнюдь не только в намерениях.

Действительно, слово *истина* не связано этимологически ни с каким глаголом, как и слово *правда* (*оправдывать* означает не «говорить правду», а «снимать с кого-либо обвинение»). Правду можно говорить, однако глагол *говорить* не приоткрывает нам особенностей этого понятия: говорить можно многое. У существительного *ложь* есть глагольный коррелят – *лгать*. Интерпретации этимологии существительного *ложь*,

связывающие его с глаголом *лежать*, в русской науке рознятся. Так, например, И. М. Степанова в своем докладе «Коли не ложь – так правда» (Степанова) утверждала, что *ложь*, будучи именным образованием от глагола *лежать*, этимологически связана с идеей «лежать на поверхности», «скрывать под собой правду». Более традиционен взгляд на материнскую идею, связанную с понятием лжи, который идет от значения этимона «лежать, быть больным, слабым». По-русски слово *ложь* употребляют так:

погрязнуть во лжи, утонуть во лжи, захлебнуться во лжи, утонуть, стихия лжи, море лжи;

уличить во лжи, изобличить во лжи, поймать кого-то на лжи, наказать кого-то за ложь;

что-то может содержать в себе элемент лжи; что-либо может быть замешано на лжи;

ложь может быть постыдной, возмутительной, бесовской, наглой, гнусной, невинной, во спасение и пр.

Сочетаемость слова *ложь* с некоторыми прилагательными указывает на этический аспект лжи, трактует *ложь* как нечто предосудительное, негативное, наказуемое. При этом существует представление о лжи во благо, оправдываемой и спасительной.

Неизбежное уличение во лжи отражается и в поговорке "все тайное станет явным", и во многовековой традиции наказывать ребенка за ложь. Это же подтверждается и соответствующей глагольной сочетаемостью – *уличить во лжи, поймать на лжи* и пр. Дифференциация лжи на спасительную и преступную связано, очевидно, с природой мотива, которым руководствуется лгуний – если он лжет во благо себе, это дурно, если во благо другому, то его ложь может быть оправдана.

На образном уровне ложь овещается как вода, причем как вода плохая, опасная. В славянской и многих других культурах и мифологиях содержится представление о живой и мертвой воде [21]. Живая вода движется, она животворит, мертвая вода статична, она губит. Ассоциация лжи с болотом, затягивающим, засасывающим, в котором можно погрязнуть, на мутной водиче которого можно нечто замешать – богатый образ, резюмирующий многие другие представления не только русского, но и шире – индоевропейских этносов.

Так понятие правды, честности во многих культурах и языках связаны с идеей ясности. Когда объяснение, рассказ, речь понятны, и русские, и французы, и немцы, и итальянцы, и англичане говорят – *ясно* (ясно, *claire, clear, chiaro* и так далее).

Туманность, мутность, непрозрачность как в воздухе (*напустить тумана, смутно понимаю*), так и в воде символизируют нечистоту повествования, присутствие в ней нечистого намерения, за которым стоит искушение или иное зло.

Активность болота-лжи лишний раз подчеркивает ту мысль, что ложь – не просто стоячая, зловонная, опасная вода, но затягивающая сила; недаром на болотах, в русской мифологии, водятся и черти, и леший, и кикимора.

По развитию образа, ложь – это также грязь (и в болоте грязь, можно погрязнуть), в ней можно испачкаться, ею можно запятнать себя. Грязь – это универсальный образ, связанные с черным, чернотой, мраком, злом.

Отсюда и различие между неправдой и ложью. Мы не можем сказать * гнусная, подлая, бесовская неправда, погрязнуть в неправде, наказать за неправду. Но все эти понятия прекрасно сочетаются со словом *ложь*.

Русское слово *обман*, трактуемое в современном языке как сознательное введение кого-либо в заблуждение, высказанная неправда, связывается со злым умыслом и злой волей человека. Подобная трактовка не вызывает у нас возражений с двумя уточнениями: обманывать может также и все персонифицируемое, например, погода, примета, поскольку обман может быть произвольным, то есть не злонамеренным. Поэтому обманывать можно и себя самого («я сам обманываться рад»). Самообман связан с понятием иллюзии – словом, не имеющим отрицательной коннотации и скорее трактуемом в русском сознании как проявление мечтательности и личностной слабости.

Даль предлагает такие синонимы для слова *обман* [3]: хитрость, лукавство, двуличность, то есть трактует обман как некую поведенческую тактику, негативно оцениваемую современной ему моралью. В приведенных им контекстах выявляется инструментальность обмана: *ловец обманом берет, обманом города берут, от обмана не уйдешь*.

В современном языке инструментальность обмана видна из его сочетаемости. По-русски мы говорим:

- *добиться чего-либо обманом;*
- *совершить, обнаружить, раскрыть, разоблачить обман;*
- *пойти на обман; решиться на обман;*
- *наказать за обман;*
- *обман явный, бессовестный, наглый, подлый, коварный, сознательный, невольный и пр.*

Прилагательные, которые сочетаются с понятием "обман", отражают не только негативную оценку этого явления с точки зрения господствующих моральных норм, но и явное перенесение данной оценки с человека на его поступок. "Обман" представляет собой уже не просто словесное высказывание, а действие, которое выходит за рамки вербального общения, что подтверждается невозможностью его сочетания с глаголами речи (например, невозможно *сказать обман). Обман, будучи порождённым словами или действиями, является содеянным поступком, который противопоставляется словесному как чему-то лёгкому, неуловимому и несерьёзному. Такое понимание обмана характерно для повседневного сознания, в отличие от научного подхода лингвистов, которые разрабатывают теорию речевых актов.

Обман не может быть просто "сделан"; он может быть только "совершён" или же человек может "пойти на обман". Эти глаголы подчеркивают значимость этого действия с точки зрения внутреннего морального контроля, который осуществляет человеческая совесть. Кроме того, обман, связанный с манипуляцией материальными ценностями, подлежит уголовному наказанию, что подчёркивает его серьёзность и социальную неприемлемость. Ложь же в своем максимально широком значении - свойство брэнного мира, выражается в видимости или в словах и не преследуется по государственным законам, а только по человеческим.

Представление о лжи во французском языке

Теперь обратимся к французскому понятию. *Mensonge* (n.m) - антоним *verite*. У Чезаре Рипа [11] находим следующий аллегорический образ этого понятия:

"Молодая уродливая женщина, искусно разодетая, одежды на ней переливчатого цвета,

она вся размалевана, так как стремится скрыть себя за ложной видимостью. Она хромонога, так как одна из ее ног - деревянная. В левой руке она несет вязанку горящего хвороста. Она так разодета, потому что утверждает то, чего нет, создает пустую видимость. Переливчатость символизирует непостоянство лжи. Горящий хворост - быстрота ее жизни: быстро зажигается и быстро гаснет. У нее короткие обе ноги".

"Хромота" - признак, характеризующий несовершенное рассуждения или знания как во французском, так и в русском языке. Хромота сразу видна, хромота свидетельствует о ненадежности опоры, хромота сопряжена с уродством, отсутствием целостности и является одной из портретных характеристик дьявола. Колченоги и другие нечести, а также несовершенство, дефектность, которого мы также часто ассоциируем с хромотой. Мы часто говорим: «твои знания хромают» или «Он хромота по математике». Мотив хромоты в мифологии связан с образом кузнеца-Гефеста, а также с сатаной, которого часто воображали гостящим у живущих на отшибе кузнецов [5]. Этот перенос сдержит в себе, возможно, каузальный намек: ложь - от дьявола, как и плохое знание, недостатки.

Слово *mensonge* было заимствовано из народной латыни (* *mentionica*), в которую в свою очередь пришло из поздней латыни (*mentio* - обман). Это слово, зафиксированное в VI веке, кажется продолжением классически латинского *mentio* — *mention*, развившегося через смысл "лживое упоминание" - *mention mensongere*.

До XVII века это слово было женского рода, что объясняет тот факт, что у Цезаре Рипа *mensonge* - женщина. С XIII века слово обозначает утверждение, противное правде, произведенное с целью обмана, чуть позже у него появляется и более общий смысл – акт лжи. В современном языке остались еще какие-то следы средневековой классификации лжи, в которой выделялись *mensonge par omission*, *mensonge effectif*, делающаяся при помощи утверждения, *mensonge joyeux* (ложь в шутку, теологический смысл), *mensonge officieux* (неофициальная ложь) и *le pieux mensonge* (ложь во спасение), *mensonges pernicious* (вредоносная ложь). Эти выражения продолжают активно существовать в языке и поныне. По расширению значения слово это обозначало все иллюзорное, обманчивое (с XII века), продолжая принятое в античности смешение между ложью и воображением [11]. Именно поэтому *mensonge* употреблялось для обозначения фикции в искусстве.

Отметим также, что смешение обмана и вымысла, первого, связанного с намерением обмануть, второго, не связанного с намерением корыстно обмануть, но возможно и даже просто развлечь, в силу своих античных истоков нашло свое отражение в о многих европейских языках.

В современном французском языке выделяются четыре значения у слова *mensonge*:

1. Утверждение, по воле, его автора противоречащее правде, произнесенное с целью обмана.
2. Акт лжи, совершение подделки, подлога, обмана.
3. Иллюзорность искусства.
4. То, что обманчиво, иллюзия.

Слово *mensonge* небогато сочетаемостью. По-французски говорят:

Tissu de mensonge;

Bourrer le cerveau de qn de mensonges;

Prendre qn en mensonges;

Vivre dans le mensonge;

Esprit de mensonge;

Pere du mensonge;

Mensonge gros, grossier;

Mensonge nait, grandit, grossit.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что *mensonge* имеет во французском языке ряд ассоциаций, которые не слишком разработаны и укреплены количественно, однако в том виде, в котором они существуют, они закреплены достаточно надежно. Ассоциирование лжи с тканью есть и в русском языке, а если учесть, что образ ткани – один из древнейших, то, очевидно, имеются аналогии и в других языках [\[6, с. 98\]](#). Мы говорим *Это шито белыми нитками*, подразумевая, что обман слишком хорошо виден.

Ассоциация обмана с пищей также представляется более или менее универсальной, и не только обмана, но всего понятийного гнезда (вымысел, иллюзии): ср. *соловья баснями не накормишь; он меня кормит завтраками; у меня твоя ложь вот где* (жест, обозначающий «сыт по горло») и так далее.

Сочетаемость французского слова позволяет в нем увидеть и антоним русской истины, то есть высшего когнитивного начала. На него указывают словосочетания *жить во лжи, дух лжи, отец лжи* – все это контексты, представляющие ложь отнюдь в качестве человеческого речевого акта, а в качестве проявления высшего зла.

В этой логике понятно одушевление *mensonge*: у нее есть отец – дьявол, она может рождаться, расти, толстеть. И в продолжение описанного аллегорического образа она может также и подхрамывать.

Следует отметить, что в данном случае мы имеем дело с ситуацией, в которой данные, представленные в словарях, и данные, полученные из анализа сочетаемости, вступают в противоречие друг с другом. Сочетаемость позволяет выявить, что *mensonge* во французском языке, в своем высшем и абстрактном значении, аналогична русскому понятию "ложь" как абсолюту. Мы полагаем, что эта двойственность французского языка является следствием сосуществования христианского мифологического мировоззрения и рационалистического подхода: первое сохраняется в образной системе языка, тогда как второе отражается в словарных дефинициях.

Слово *ложь* имеет два значения, одно из которых не выделяется словарями. Ложь – это антоним истины и злонамеренный обман при помощи высказываний. Первое значение выводится из сочетаемости. Основные коннотации лжи – водная стихия, жидкость, грязь. Ложь в русском языковом сознании мыслится неодушевленно, то есть является чьей-то принадлежностью, чьим-то инструментом. В русском смысловом поле, описывающем идею лжи и обмана, присутствует образ кривизны-левизны, первоначально ассоциированный со злом (см. предыдущую главу), но представлен он не прямо (как во французском языке), а лишь в некоторых выражениях и производных словах (*кривотолки, кривой аргумент, кривое зеркало, искажающее правду* (отсюда королевство кривых зеркал как царство лжи), *левое дело, левое предложение*, то есть

то, что противоречит общепринятым нормам и должно быть скрыто.

Обман - характеристика злонамеренного поведения одного человека по отношению к другому, имеющему своей целью путем введения в заблуждении извлечь выгоду. Это понятие также мыслится неодушевленно. Сочетаемость его связана с оценкой факта обмана с точки зрения действующей морали.

Русская языковая картина в этой области отчетливо демонстрирует разделение понятийного поля на верх и низ, высшее и земное. Представление о небесной жизни, где орудует не пантеон богов, а добро и зло, показывает связанность русского сознания в этой области с христианской, а не с языческой трактовкой мира. Однако, как мы видели, языческие контексты – как славянские, так и общеевропейские присутствуют в образной структуре этого понятия. Разделение области знания на высшее и низшее, на истину и правду, идея слепоты человека перед высшим знанием, -- все это трактовки библейских образов, отражение ее посылов.

Представление о лжи в китайском языке

Теперь рассмотрим китайские представления о лжи. Основополагающей лексемой для понятия «ложь» в китайском языке является слово 假 jiǎ [\[12\]](#).

Иероглиф 假 jiǎ является иероглифом фонетической категории, состоит из двух компонентов: семантической части 亻 rén, указывающей на связь компонента с человеком, и фонетической части 叚 jiǎ, имеющей также значение «подделка» или «неизначальный». Исходное значение лексемы было «лживый» или «фальшивый» [\[17, с. 709\]](#).

Однако сложно сказать, что понятие 假 jiǎ представляет собой четкую картину в китайской народной культуре, потому что в китайской мифологии отсутствует персонаж, представляющий ложь. Если вернуться в язык, то слово часто используется в сочетании с лексемой 真 zhēn, которая является ее антонимом [\[16\]](#) — этот иероглиф представляет собой общую лексему для понятий «истина» и «правда».

Очевидно, что лексема 假 jiǎ не дает нам полное представление о понятии, так как из него сложно выявить закономерность. Можно лишь сказать, что в современном китайском языке лексема используется только при назывании очевидной неправды, например, 假髮 jiǎfà («парик» буквальный перевод: ненастоящие волосы), 假音 jiǎyīn («фальцет» буквальный перевод: ненастоящий голос), 假面 jiǎmiàn («маска» буквальный перевод: ненастоящее лицо) и т. д. [\[12\]](#) Из-за этого нам необходимо обратиться к синонимическому ряду, выявив ключевые синонимы, которые делают представление об этом понятии полноценным.

Говоря о философии, важно отметить даоса Чжуан-цзы. В главе «Беззаботное скитание» трактата «Чжуан-цзы» было четко показано, что «сон» и «реальность» очень сложно понять. «Правда» и «ложь» также являются относительными. Также как и «жизнь» и «смерть», «радость» и «печаль», «истина» и «ложь» - все эти понятия относительны, что является характерным для даосского мировоззрения.

В конфуцианском трактате «Лунь Юй» была написана следующая фраза: «言必信, 行必果» «Обещания должны быть выполнены, а поступки – результативны». Здесь в двух аспектах описывается, какими качествами должен обладать добродетельный человек: 1. Через речь (говорить правду); 2. Через действия (совершать обещанные поступки).

Можно наблюдать, что в конфуцианстве критериями, отличающими истину от лжи, являются добродетель и честность.

В китайском языке мы можем вывести семантический ряд со следующими лексемами: 谎 huǎng и 骗 piàn, каждая из которых показывает на особенность способа совершения лжи. Каждую лексику необходимо анализировать отдельно.

谎 huǎng является иероглифом фонетической категории, изначальное значение иероглифа – «речь, не соответствующая действительности» [13, с. 332-333]. Иероглиф состоит из ключа 讠, показывающий связь иероглифа с речью, и частью 荒 huāng, которая выполняет не только фонетическую, но и семантическую функцию. Иероглиф 荒 huāng изначально имел значение поля, на котором растут сорняки из-за неухаживаемости [17, с. 48], а как часть лексемы 荒 huāng показывает, что эта речь является пустой и бесконтрольной.

Для выявления особенностей восприятия понятия у китайцев важно отметить глаголы, с которыми эта лексема сочетается. По-китайски чаще всего используются сочетания 说谎 shuōhuǎng и 撒谎 sāhuǎng для обозначения действия лгания. Из них 说 shuō, имеющее значение «говорить» [13], показывает на способ передачи неправды – через речь. У глагола 撒 sā главное значение – «распространять», вследствие чего в свою очередь он может использоваться с точки зрения семантики со следующими языковыми единицами для обозначения каких-либо речевых действий манипулятивного характера: 撒娇 sājiāo ластиться, 撒泼 sāpō безобразничать, 撒野 sāyě буянить, 撒气 sāqì вымещать (гнев), 撒刁 sādiāo выкручиваться и т. д. Можно сделать предположение, что использование глагола 撒 sā в 撒谎 sāhuǎng показывает тот же манипулятивный характер, как в вышеперечисленных словосочетаниях.

Далее мы перейдем к анализу существительных 谎言, 谎话. 谎言 и 谎话 по данным из различных словарных источников имеют практически одинаковую семантику: они обозначают «ложные утверждения». Их главное отличие является стилистическим: как показывает языковой корпус, 谎言 больше используется в книжном языке, а 谎话 – в разговорном, что будет наглядно показано в разборе сочетаемости и выявлении существенных коннотаций. Лексема 谎言 может сочетаться со следующими глаголами [15]:

制造谎言	zhìzào huǎngyán	создавать ложь
战胜谎言	zhànshèng huǎngyán	побеждать ложь
被谎言包围	bèi huǎngyán bāowéi	быть окруженным ложью
对付谎言	duìfù huǎngyán	одолеть ложь
轻信谎言	qīngxìn huǎngyán	легко поверить лжи
编造谎言	biānzào huǎngyán	сплетать ложь
驳斥谎言	bóchì huǎngyán	опровергнуть ложь
散布谎言	sànbù huǎngyán	распространять ложь
编织谎言	biānzhi huǎngyán	плести ложь
相信谎言	xiāngxìn huǎngyán	поверить лжи
传播谎言	chuánbò huǎngyán	насаждать ложь
捏造谎言	niēzào huǎngyán	вылепливать ложь
戳穿谎言	chuōchuān huǎngyán	проткнуть ложь
听信谎言	tīngxìn huǎngyán	верить на слова лжи
批驳谎言	pībō huǎngyán	опровергнуть ложь

发动谎言	fā dòng huǎng yán	развязать ложь
发起谎言	fā qǐ huǎng yán	начать ложь
用谎言遮掩	yòng huǎng yán zhē yǎn	быть прикрытым ложью
粉碎谎言	fěn suì huǎng yán	разгромить ложь
捏造谎言	niē zào huǎng yán	сфабриковать ложь
辩斥谎言	biàn chì huǎng yán	осуждать ложь
揭露谎言	jiē lù huǎng yán	вскрывать ложь
撕碎谎言	sī suì huǎng yán	разорвать ложь

Благодаря перечислению этих сочетаний мы можем выделить следующую предметную ассоциацию данного понятия в китайском языке:

1. **Вражеское войско.** Ложь в китайском языке имеет образ человека, и даже большой группы людей, которой противостоят. Ложь может окружить человека, с ней приходится воевать, одолевая её, однако в этом бою человек побеждает, так как ложь можно победить, разбить вдребезги, но не наблюдаются таких словосочетаний, как «проиграть ей». Недаром в китайском языке лексема употребляется во фразеологизме 谎言不攻自破 «ложь сдалась без боя», то есть человек сам раскрыл свою ложь [14]. Очевидно, что этот фразеологизм также показывает на связь с восприятием врага.

Кроме того, стоит обратить внимание на счетное слово 场, которое используется с лексемой. Оно также может сочетаться для обозначения 一场战役 «одна битва» 一场战斗 «одно сражение» 一场战争 «одна война» и т. д. Этот факт также показывает на восприятие акта лжи как соперничества, где одна сторона пробует выявить ложь, а другая пробует её скрыть, и так происходит бой. Таким образом, можно сделать вывод, что ложь имеет предметную ассоциацию с сильной вражеской армией, которую, однако, можно победить.

2. **Оконная бумага.** Ложь в китайском языке также можно рассматривать как предмет, так как его можно создавать, а именно плести. Интересно, что китайцы не говорят в этом случае *сшить* или *соткать*, что показывает на особенность этого предмета – то, что изделие из этого материала можно проткнуть, а значит, этот материал не является достаточно прочным. Неслучайно в китайском языке существует фразеологизм 捅破窗户纸, который буквально обозначает «проткнуть оконную бумагу» [13], а его переносное значение – «сделать тайное явным, говорить напрямую». В таком случае оконная бумага играет роль занавеса, где люди умеренно умалчивают о чем-то, и, чтобы добиться правды, надо проткнуть эту оконную бумагу [14].

3. **Паутина.** Ложь распространяется, ею можно что-то покрыть, она плетется, ее можно разорвать. Всеми этими характеристиками может обладать паутина, причем если её долгое время держать без присмотра, то она станет в разы больше изначальной и покрывает то, что было сначала.

Лексема 谎话 имеет следующие сочетания:

说谎话 shuō huǎng huà «говорить ложь»;

编造谎话 biān zào huǎng huà «фабриковать ложь»;

制造谎话 zhì zào huǎng huà «изготавливать ложь»;

讲谎话 jiǎng huǎng huà «рассказывать ложь»;

听谎话 tīng huǎnghuà «слушать ложь».

Мы видим, что у лексемы 谎话 невозможно выявить вещественную коннотацию, так как в ее сочетаемости проявляется только прямое действие: ее высказывают, создают и слушают. Это связано с особенностями литературного и разговорного языков. Литературный язык более богатый, чем разговорный, так как они отличаются по функции: литературный язык более направлен на выражение, а разговорный язык – на пракτικότητα. Недаром академик Л. В. Щерба говорил: «сравнительное достоинство отдельных литературных языков <...> определяется прежде всего богатством наличных средств выражения как для общих, так и для частных понятий» [\[10\]](#).

В китайском языке существует синоним к лексеме 谎 – это лексема 骗, семантическая функция которой схожа с русским словом *обман*. Далее мы перейдем к анализу лексемы 谎 и её сочетаемости.

У иероглифа 骗 очень сложная этимология. Если судить по современному иероглифу, то происходит явная нестыковка в значении, так как иероглиф является иероглифом фонетической категории, состоящий из ключа 马, показывающего связь исходного значения с конем, и фонетическую графему 扁. По данным трактата «Цзуань Вэнь», написанного мыслителем династии Сун в эпоху Южных династий Хэ Чэнтяном в 5 веке, значению лексемы давалось такое определение: 骗, 谓跃上马也。[\[18\]](#) - «прыжок на коня» (перевод наш. – Н. А.). Таким образом, мы видим, что значение обмана к лексеме пришло позже, а изначально она обозначала совсем другое действие. С помощью языкового корпуса мы можем определить диахронию изменений семантики лексемы в литературном языке. После изучения более 200 примеров был сделан вывод, что значение обмана, которое хорошо известно в современном китайском языке, лексема получила не ранее периода династии Южная Сун, то есть уже в 12 веке. Соответственно, изучение лексемы 骗 не может показать нам точное восприятия древними китайцами данного понятия и нужно найти иероглиф, у которого 骗 перенял значение.

Тут стоит обратить внимание на другой иероглиф, имеющий ту же фонетическую графему, но отличающаяся по ключу, – это иероглиф 编, имеющий максимальную вероятность быть исходным для понятия обмана в китайском языке. Иероглиф состоит из ключа 讠, показывающего на связь с устной речью, и фонетической графемой 扁; исходным значением иероглифа было «лукавить», а позже он приобрел значение обмана [\[17, с. 188\]](#). Таким образом видно, что и понятие обмана тоже связано с устной речью человека, однако, по сравнению с понятием 谎, оно больше подчеркивает красивые слова, которые в итоге не выполняются и все равно воспринимаются как неправда. Лексема 编 все еще существует в современном китайском языке, однако частотность ее использования очень низкая, а референт «обман» передается лексемой 骗, которая заимствовала значение, и оно за ней укрепились.

Покажем, почему эти изменения являются абсолютно логичными и возможными для объяснения. В современном китайском языке, когда мы говорим про ложь: 他说谎了 «он солгал», то тут будет подразумеваться неправда только в словах; однако, когда мы говорим 他被骗了 «его обманули», то тут подразумевается неправда в действиях, включая ложь, но не ограничиваясь её. Также важно отметить, что при использовании лексемы 谎 мы подразумеваем только, что кто-то сказал ложь; но когда используется лексема 骗, то практически во всех случаях мы говорим, что человек пострадал из-за обмана. Если бы и для обмана использовался ключ 讠, то с его помощью показывать на действие было бы неуместно, а ключ 马 как раз показывает на действие. Можно сделать предположение,

что это и стало причиной его использования.

Однако, даже так игнорировать связь между обманом и речью все равно невозможно, поэтому в современном китайском языке лексема чаще всего используется с двумя глаголами: 欺 и 诈. Если посмотреть на их происхождение, то оба они имеют этимологию, связанную со словом, ведь ключ 欠 показывает на выпуск воздуха изо рта и говорением, а ключ 讠 напрямую показывает на связь с речью. Если оценить данные языкового корпуса, то понятно, что с самого начала глаголы обозначали действия, связанные с языковым обманом. Но в современности появилась огромное количество разновидностей обмана, например, финансовое, личное мошенничество, ложная реклама, подделка продуктов и т. д., из-за чего 骗 постепенно стал в себе иметь не только значение обмана в речи, но и обмана в действиях.

Как мы видим, в современном китайском не используется один иероглиф, надо анализировать именно сочетаемость слов. Но сам иероглиф надо исследовать отдельно.

Заключение

Подведем итоги. Будучи по сути остатками старых мифов, старых мировоззренческих оппозиций, и русские и французские понятия, описывающие эту бинарную оппозицию правда/ложь, сохранили многое от древней символики. Образы светила, солнца, плохой воды, грязи, ткани, нити, - все это универсальные метафоры, соединяющие индоевропейское образно-когнитивное поле в единый глобальный мировоззренческий фрагмент.

Например, образ плетения интриг как паутины охватывает все поле так сказать речевого и событийного коварства: рассуждение, фраза, текст – плетутся, состоят из нитей, в которых можно запутаться (пути) или запутать. Хитросплетение – это логика, образы, которые трудно распутать, а запутаться легко. В этом метафорическом образе мы усматриваем ассоциирование речевого с женским (*плести /заплести волос; волос длинный, а ум короткий*) и через это часто с ложным, видимым, кажущимся (инвариативно женская красота – соблазн, идущий от дьявола, искушение). Ассоциация речевого с женским кажется особенно мотивированной в свете последних открытий, свидетельствующих о большей развитости речевых зон мозга у женщин, что связано с ее функцией воспитывать детей, да и с просто обыденным представлением о болтливости женщин, о пустословии, которым они часто грешат и часто небескорыстно.

Метафора войны двух начал: света и тьмы, правды и лжи и так далее – также представлена в сочетаемости этих понятий в двух языках и также архаична. Война абстрактных, высших сил предшествует сотворению мира и разделению всего сущего на два противоположных пола, все сущее – часто в мифологических системах воспринимается как результат глобальных противостояний. Из сказанного здесь мы можем сделать вывод, что и русские и французские понятия восходят к общим мифологическим прототипическим представлениям, связанным с исходным дуалистическим противопоставлением, частью которого является противопоставление в том числе и мужского и женского. Очевидно, что эти древнейшие мифы продолжают свою жизнь в современном сознании, отбросив в толще времени все то, что плохо согласовывалось с их логикой, в частности ассоциирование истины с наличными деньгами.

В китайском языке, если рассматривать правду и ложь как сопоставимые понятия, то мы должны анализировать 假 (неправда, ложь) и 真 (правда). Однако, 假 не так часто используется в языке, из-за чего возникают трудности при его анализе. Оно, помимо

того, что является философским понятием, используется для обозначения чего-то, что не соответствует действительности. Из-за чего возникают трудности с подбором семы в современном китайском языке. Кроме него в китайском языке существуют понятия 谎 huǎng и 骗 piàn, подходящие для анализа. В сопоставлении с русским языком они будут соответствовать русским понятиям "ложь" и "обман".

Мы видим, опираясь на образ, что ложь не является чем-то, что требует усилий для уничтожения, а скорее само подвержено распаду со временем. Также присутствует идея, что ложь легко "проткнуть", что схоже с французским образом ткани. Человек как может создавать ложь, так и может ее вскрывать.

О влиянии можно четко сказать, что оно идет от классического конфуцианского представления о моральном критерии, где ложь проявляется в речи и поступках.

Базовые признаки	Русский менталитет	Французский менталитет	Китайский менталитет
Источник	Лежать	Лгать	Не соответствует действительности
Актуальные взаимосвязи	Клеветать	Фантазировать, спать	Поле, заросшее сорняками
Образ	Болото	Ткань	Слабый враг, оконная бумага, паутина
Членение ситуации	· ложь · обман	· mensonge · songe	· 谎 (речь) · 骗 (ложь в действиях)
Человек	Жертва (и в случае, если лжет и если является объектом лжи)	Пассивен	Активен (создавать ложь; разорвать ложь)
Влияние	Индоевропейская мифологическая система	Античность (историческое разделение типов лжи в зависимости от целей)	Конфуцианство

Библиография

1. Большой Китайско-Русский Словарь. URL: <https://bkrs.info/>
2. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь: В 86 т. / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург: ПОЛРАДИС, 1993. Т. 12, с. 749.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Москва: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. 700 с.
4. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001, Т.1. С. 143-144.
5. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва : Сов. энцикл., 1991. 736 с.
6. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х томах / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1987–1988. Т. 1. С. 98.
7. Словарь русского языка. [АН СССР, Ин-т рус. яз.; Гл. ред. А. П. Евгеньева]: В 4 т.- Москва: Рус. яз., 1981–1984.
8. Степанова И.М. Доклад «Коли не ложь – так правда» Материалы научной конференции Филология в системе современного образования 22-23 июня 2004 года, Выпуск 7, М.: УРАО, 2004. С. 275-282.

9. Шейман М.М. Вера в дьявола в истории религий. М., 1977. С. 354.
10. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 113-129.
11. Ripa, C. Iconologia overo Descrittione di diverse-imagini cavate dall' antichita, et di propria inventione, trovate, et dichiarate da Cesare Ripa Perugino... Di nuovo rivista et... ampliata di 400.... imagini... Roma: appresso Lepido Faeij, 1603. DAF – Dictionnaire de l'ancien français. Paris, 1968.
12. 北京语言学院语言教学研究所. 现代汉语频率词典. 北京: 北京语言学院出版社, 1986. 978页.
13. 汉语大字典编辑委员会. 汉语大字典(第二版缩印本). 成都: 四川辞书出版社, 2018年. 2692页.
14. 商务印书馆辞书研究中心. 新华成语词典. 北京: 商务印书馆, 2015年. 1185页.
15. 北京大学语言研究中心汉语(现代/古代)语料库. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/
16. 贺国伟. 反义词词典. 上海: 上海辞书出版社, 2018年. 446页.
17. 李学勤. 字源. 天津: 天津古籍出版社, 2013年. 1420页.
18. 千篇国学. 汉语字典: 骗. URL: <https://mzidian.qianp.com/zi/骗>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Представление о лжи в русском, французском и китайском языках», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения специфики структуры концепта «ложь» в языковой картине мира носителей трех языков. Настоящее исследование ставит своей целью восполнить этот пробел и предложить комплексный анализ понятия «ложь» в трех языковых картинах мира. Исследования концепта и его реализации в языковой картине мира в рамках Российской школы когнитологов являются ценными, так как данный концепт претерпевал некоторые изменения в плане содержания или системе ассоциативных связей, мотивируемых различными экстралингвистическими факторами. Кроме того, актуальным является сопоставительный характер исследования. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом. Однако автор не указывает объем полученной выборки, который использовался при проведении исследования, а также источники ее происхождения и временной период. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы, а также наблюдение, описание, дискурсивный анализ. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Однако вводная часть не содержит отсылок к работам предшественников по данной тематике. Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых теоретические работы как на русском, так и на китайском языках. Считаем, что работы на французском языке по исследуемой проблематике, несомненно, обогатили бы работу. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Однако в тексте статьи присутствуют неточности, опечатки и орфографические погрешности. Так,

при наборе слов французским шрифтом упущены надстрочные знаки, являющиеся обязательными по правилам орфографии. Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по концептологии и специальной филологии. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Представление о лжи в русском, французском и китайском языках» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.